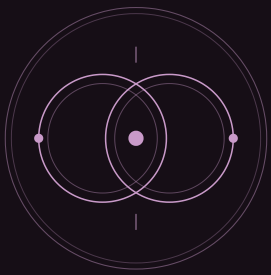
O.V.K — X.T.R

ВОПРОС

ИСКУССТВО
СПРАШИВАТЬ

УСТРОЙСТВО, РЕМЁСЛА И ПРЕДЕЛ

O.V.K — X.T.R

ВОПРОС

ИСКУССТВО СПРАШИВАТЬ

Книга о том, как устроен вопрос и что он делает с отвечающим:
от сократической беседы к допросу, интервью и опросу,
о предпосылке, порядке и молчании

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Ответ принадлежит отвечающему; вопрос — тому, кто ведёт беседу. Кто спрашивает, тот и ведёт».

— из тетради следователя

❄

Книга писана для того, кто спрашивает,
и для того, кого спрашивают.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

* *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое вопрос 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Сократ и повивальное искусство 5
V. Школа и диспут 6
VI. Три ремесла нового времени 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем вопрос не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Части вопроса 11
X. Открытый и закрытый 12
XI. Предпосылка и ловушка 13
XII. Наводящий вопрос 14
XIII. Порядок вопросов 15
XIV. Молчание после вопроса 16
XV. Чтение ответа 17
XVI. Запись 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. РЕМЁСЛА

XVII. Сократическая беседа 20
XVIII. Вопрос себе 21
XIX. Вопрос ученику 22
XX. Допрос: свидетель 23
XXI. Допрос: противная сторона 24
XXII. Интервью 25
XXIII. Опрос 26
XXIV. Вопрос врача и мастера 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОТИВНИК

XXV. Вопрос как нападение 29
XXVI. Ложный выбор 30
XXVII. Вопрос-внушение 31
XXVIII. Уклонение от ответа 32
XXIX. Своё желание услышать 33
XXX. Лишний вопрос 34
XXXI. Вопрос, на который не отвечают 35
XXXII. Допрос как насилие 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего вопрос не может 38
XXXIV. Мнимые учения 39
XXXV. Вопрос и власть 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена спрашивающего 42
XXXVIII. Правила спрашивающего 43
XXXIX. Правила отвечающего 44
XL. Заключение: вопрос и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

❄

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошло искусство спрашивать, кто довёл его до ремесла,
чем допрос отличается от беседы
и отчего вопрос делает больше, чем ответ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое вопрос

*

Вопросом зовётся речь, требующая от другого ответа; и в требовании этом его сила: вопрос принуждает мягче приказа и вернее просьбы.

Определение отделяет вопрос от двух соседей. От *утверждения* — ибо оно ничего не требует и может быть пропущено мимо ушей; от *приказа* — ибо приказ требует дела, а вопрос — лишь слова, и оттого ему подчиняются, не замечая, что подчинились.

Книга эта стоит между книгами о риторике и о наблюдении. Первая — о речи, обращённой к решающему; вторая — о том, как видеть. Вопрос есть речь, обращённая к говорящему, дабы увидеть то, что он не показывает.

Различим три вещи, кои в обиходе смешивают. **Вопрос ради ответа** — когда спрашивающий не знает и хочет узнать. **Вопрос ради отвечающего** — когда спрашивающий хочет, чтобы тот сам понял, вспомнил или решил. **Вопрос ради слушающих** — когда ответ нужен третьим: суд, собрание, читатель. Устройство их различно, и смешение губит всякое.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство вопроса и ответа; третья — ремёсла, от сократической беседы до опроса; четвёртая — вопрос как оружие и как ошибка; пятая — границы, мнимые учения и правила для спрашивающего и отвечающего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

*

Русское «вопрос» происходит от «просить»: спрашивающий есть просящий, и старое «вопрошать» ещё хранит оттенок мольбы.

Латинское quaestio — от quaerere, «искать»: вопрос как поиск. Отсюда и «инквизиция» — буквально «розыск», и «квест». Греческое «эротесис» родственно «эросу» — стремлению; спрашивающий стремится к недостающему.

Различим слова. *Спросить* — потребовать ответа. *Расспросить* — спросить многократно и по порядку. *Допросить* — расспросить властью. *Опросить* — спросить многих об одном. *Выспросить* — получить то, чего не хотели давать. Пять слов — пять ремёсел, о которых третья часть.

«Вопрос» как предмет — «вопрос о земле» — есть перенос: дело, требующее решения, названо по речи, которою о нём спрашивают.

Заметим наперёд, что в этой книге *вопрос* означает устройство, а не любопытство: устроен и вопрос ученика, и вопрос следователя, и вопрос, заданный самому себе, и всем троим надлежит знать, как он устроен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

*

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же объясняют, отчего ответ зависит от вопроса больше, чем от истины.

Первое: вопрос содержит ответ. Всякий вопрос имеет предпосылку — то, что принимается без спора, — и область, из которой ждут ответа. «Когда вы вернулись?» предполагает, что уходили. Отвечающий принимает предпосылку, отвечая; и спрашивающий, зная это, кладёт в вопрос то, что хочет получить.

Второе: кто спрашивает, тот ведёт. Спрашивающий выбирает предмет, порядок и меру; отвечающий идёт за ним. Оттого в беседе сильнее не тот, кто больше знает, а тот, кто спрашивает; и оттого власть всегда оставляет вопросы себе.

Третье: ответ говорит больше вопроса. Не то, что сказано, а как: что выбрано из области, что обойдено, сколько ждали, о чём переспросили. Об этом — глава пятнадцатая и книга о наблюдении.

Из трёх положений выводится и ремесло третьей части — строить предпосылку честно, держать порядок, читать ответ, — и главная ошибка, разобранная в главе двадцать девятой: спрашивать так, чтобы услышать желаемое.

И заметим родство с книгой о внушении: там разобрано, как утверждение входит в ум без проверки; вопрос делает то же с предпосылкой, и делает незаметнее.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Сократ и повивальное искусство

*

Ремесло спрашивать началось с человека, который ничего не утверждал и оттого был признан мудрейшим.

Сократ не писал и не учил; он спрашивал на площади ремесленников, поэтов и правителей о том, что они, по их словам, знали: что такое справедливость, мужество, красота. Спрашивал, покуда не обнаруживалось, что знания нет. Это он звал *элéнхос* — опровержение через вопрос: собеседник опровергал себя сам, соглашаясь с каждым шагом.

Майевтика — повивальное искусство: мать Сократа была повитухой, и он говорил, что помогает родить мысль, которая в собеседнике уже есть. Не вкладывать, а извлекать; вопрос — не сосуд, а рука.

Устройство беседы: собеседник даёт определение; Сократ спрашивает о случае, в который определение не укладывается; собеседник поправляет; Сократ находит новый случай. Так до тех пор, пока не останется *либо* определение, выдерживающее все случаи, *либо* честное незнание.

Чему это учит. Вопрос сильнее утверждения, ибо соглашающийся с собою не спорит. И: беседа кончается не ответом, а *лучшим вопросом*, и это не поражение. Об устройстве такой беседы — глава семнадцатая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Школа и диспут

*

Средние века превратили вопрос в форму учёности: наука излагалась не главами, а вопросами, и ответ на всякий шёл через спор.

Абеляр в книге «Да и нет» собрал по каждому спорному положению суждения отцов церкви за и против — и не решил ни одного, оставив решение читателю. Книга эта учила, что вопрос ставится *прежде* ответа и что противоречие есть начало знания, а не позор.

Фома Аквинский дал устройство, продержавшееся века: *вопрос*; доводы против; довод «напротив»; решение; ответы на каждый довод против. «Сумма теологии» есть тысячи таких вопросов. Заметим порядок: сперва честно изложены возражения, лишь потом ответ — то же правило, что в книге о риторике для опровержения.

Диспут — публичный спор по вопросу, где один защищает, другие нападают, а магистр решает. Учёный не считался учёным, покуда не выдержал диспута; и вопрос был испытанием, а не праздностью.

Чему это учит. Устроенный вопрос — с изложенными возражениями — есть орудие мысли, а не только речи; и вопрос себе, о котором глава восемнадцатая, строится по Фоме лучше, чем по наитию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Три ремесла нового времени

*

Новое время дало вопросу три ремесла: допрос, интервью и опрос; всякое сложилось из нужды и имеет свою историю.

Допрос. Судебный розыск существовал всегда, но *правила* допроса сложились в девятнадцатом веке, когда суд стал гласным: свидетеля стали спрашивать при всех, и стало видно, как вопрос портит ответ. Английский перекрёстный допрос выработал жёсткие правила, о коих глава двадцать первая; наш — свои, о коих Кони.

Интервью. Газета девятнадцатого века ввела беседу как жанр: журналист спрашивает известного человека и печатает ответы. Ремесло это — спрашивать для читателя, а не для себя — молодо и имеет свои правила, о которых глава двадцать вторая.

Опрос. В 1936 году журнал «Литерари дайджест» опросил два миллиона читателей и предсказал победу Лэндона; Джордж Гэллап опросил несколько тысяч, отобранных по правилам, и предсказал Рузвельта. Рузвельт победил. С тех пор известно: *важно не сколько спросили, а кого и как*. Об этом глава двадцать третья.

Общее у трёх: всякое обнаружило, что ответ зависит от вопроса, и всякое выработало правила против этого. Правила эти различны в деталях и одинаковы в основе, и основа изложена во второй части.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

*

У нас искусство спрашивать разрабатывали судьи, писатели и учителя, и всякий внёс своё.

Кони в своих трудах о суде разобрал допрос свидетеля: как вопрос подсказывает, как свидетель отвечает не на то, что спрошено, а на то, что, по его мнению, хотят услышать; и как обвинитель обязан спрашивать так, чтобы получить правду, а не признание.

Достоевский в «Преступлении и наказании» дал следователя Порфирия — образец допроса без единого прямого вопроса: беседа, отступления, вдруг — неожиданное, и молчание. Криминалисты читали эти главы как учебник.

Толстой в яснополянской школе учил через вопрос, а не через урок: ребёнок не получает ответа, а находит его, и учитель лишь спрашивает. Ушинский о том же: вопрос учителя должен вести ученика, а не проверять его.

Опрос у нас начался с земской статистики — подворных описей конца девятнадцатого века, где о крестьянском хозяйстве спрашивали по единому листу; и продолжился в двадцатом веке изучением общественного мнения, показавшим, что и как спросить, чтобы ответили правду о том, о чём говорить не принято.

Урок линии: *вопрос обязан правде, а не желанию спрашивающего*, будь он следователь, учитель или счётчик. Это положено в основу второй части.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем вопрос не является

*

Отсечём лишнее, ибо форма вопроса охотно принимает то, что вопросом не является.

Вопрос не есть утверждение с вопросительным знаком. «Разве не ясно, что…» есть утверждение; о риторическом вопросе — книга о риторике, и здесь он появляется лишь как уловка в главе двадцать пятой.

Он не есть приказ. «Не могли бы вы закрыть окно?» есть просьба; отвечать на неё «мог бы» — насмешка.

Он не есть проверка. Учитель, знающий ответ и спрашивающий, чтобы уличить, не спрашивает, а испытывает; об отличии — глава девятнадцатая.

Он не есть любопытство. Любопытство спрашивает обо всём и не слушает ответа; вопрос спрашивает об одном и ждёт.

И он не есть нападение. Хотя им может быть, о чём четвёртая часть.

Что же он есть? *Речь, требующая ответа и содержащая в себе предпосылку, область и порядок, в котором ответ будет дан*; и ремесло — строить эти три так, чтобы ответ был правдив, а не удобен.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УСТРОЙСТВО

Из чего состоит вопрос, чем открытый отличается от закрытого,
где в вопросе ловушка и подсказка,
в каком порядке спрашивать, как молчать и как читать ответ

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Части вопроса

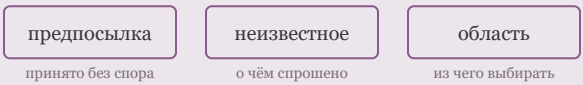
*

Всякий вопрос состоит из трёх частей, и две из них не видны; ремесло начинается с умения их видеть.

Неизвестное — то, о чём спрашивают: «кто», «когда», «сколько», «отчего». Это единственная видимая часть, и о ней думают все.

Предпосылка — то, что вопрос принимает как данное. «Когда вы вернулись?» — что уходили и вернулись. «Отчего вы опоздали?» — что опоздали. Отвечающий, отвечая, соглашается с предпосылкой, и ложная предпосылка входит в беседу как истина. Об этом глава одиннадцатая.

Область ответа — то, из чего вопрос велит выбирать. «Вы пойдёте пешком или поедете?» — область из двух; остаться дома в неё не входит. Область задаётся словами вопроса, тоном и обстановкой, и отвечающий редко выходит за неё.

Спрашивающий честный строит предпосылку из известного, а область — шире, чем ему удобно. Спрашивающий нечестный кладёт в предпосылку спорное, а область сужает до нужного. Различие это не в словах, а в устройстве, и оттого его видно лишь тому, кто знает части.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Открытый и закрытый

*

По области ответа вопросы делятся на два рода, и выбор между ними есть первое решение спрашивающего.

Закрытый — область из немногих: да или нет, то или это, число. «Вы были там?» Он быстр, точен, удобен для записи и счёта; и он даёт лишь то, что в нём заложено: отвечающий не может сказать того, о чём не спрошено.

Открытый — область неограниченна: «что произошло?», «как вы к этому пришли?». Он медлен, неудобен для счёта и даёт неожиданное — то, о чём спрашивающий не знал, что надо спросить.

Правило порядка: открытые прежде закрытых. Свидетель, которому сперва задали закрытые, потом рассказывает в их рамке; открытый вопрос после закрытых уже не открыт.

Правило ремесла: открытый — чтобы узнать, закрытый — чтобы уточнить и закрепить. Беседа, состоящая из одних закрытых, есть анкета; из одних открытых — болтовня.

Полуоткрытый — «что именно вы видели у двери?» — область сужена предметом, но не ответом; это рабочий вопрос допроса и интервью.

Заметим: закрытый вопрос удобен спрашивающему, открытый — правде. Кто спешит, тот спрашивает закрыто и получает то, что принёс с собою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Предпосылка и ловушка

*

Предпосылка есть самая сильная часть вопроса, ибо её не проверяют; на этом стоят и древняя ловушка, и нынешний обман.

Древняя ловушка. «Перестал ли ты бить отца?» Оба ответа признают, что бил. Софисты знали её, и школа учила от неё защищаться: *не отвечать, а разбирать предпосылку*. «Я не бил» — и вопрос снят.

Нынешний вид тоньше. «Что вы сделаете, чтобы исправить положение?» — предполагает, что положение дурно и что исправлять вам. «Когда вы впервые заметили, что…» — предполагает, что было что замечать. Отвечающий втянут, не заметив.

Как строить честно. Предпосылка — из того, что установлено или признано обеими сторонами. Если спорно — спросить о нём прежде, отдельно и открыто: «было ли это?» — и лишь потом «когда».

Как замечать. Пересказать вопрос утверждением: «вы утверждаете, что положение дурно?» Всякий вопрос переводится в утверждение о его предпосылке, и в этом виде предпосылка видна.

Как отвечать на ловушку: назвать предпосылку и отвергнуть или принять её вслух; отвечать на неизвестное лишь после этого. Отвечающий, разбирающий предпосылки, неудобен и не уловим.

О том же в книге об ошибках рассуждения сказано как о подмене; здесь она названа по месту, где живёт.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Наводящий вопрос

*

Наводящим зовётся вопрос, в словах которого содержится ожидаемый ответ; и опыты показали, что он не только получает ответ, но и *меняет память* отвечающего.

Опыт Лофтус. Видевших запись столкновения спрашивали, с какой скоростью машины «врезались» или «соприкоснулись». Первые называли скорость выше и через неделю помнили разбитое стекло, которого не было. Слово вопроса стало воспоминанием. Об этом же — книга о наблюдении.

Виды наведения. Словом: «врезались». Отрицанием: «вы ведь не видели ножа?» — ответ «не видел» готов. Предпосылкой: «какого цвета была его шляпа?» — и шляпа появляется. Тоном и лицом: спрашивающий кивает на ожидаемое.

В суде наводящие вопросы своему свидетелю запрещены, чужому — дозволены; правило это точно отражает их природу: они годятся, чтобы поймать, и не годятся, чтобы узнать.

Как избегать. Слова нейтральные: «что произошло», «что вы видели». Не называть предмета, о котором хотят услышать, покуда его не назвал отвечающий. Не показывать лицом. И: *первый вопрос всегда открытый*, ибо всякое сказанное до него наводит.

Правило: спрашивающий, желающий узнать, молчит о том, что знает, покуда отвечающий не скажет своего.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Порядок вопросов

*

Ответ зависит не только от вопроса, но и от предыдущих; порядок есть отдельное ремесло, и у него два главных строя.

Воронка — от общего к частному: сперва открытый рассказ; потом — о частях рассказа; потом — закрытые уточнения. Так узнают: отвечающий сперва даёт своё, потом спрашивающий берёт нужное. Это строй свидетеля, интервью, врача.

Обратная воронка — от частного к общему: сперва малые закрытые, потом широкий. Так разговаривают стеснительного или закрытого: на малое ответить легко, и отвечавший десять раз отвечает и в одиннадцатый. Это строй опроса и первой беседы.

Действие предыдущего. Вопрос о довольстве жизнью после вопроса о здоровье даёт иной ответ, чем до него; опросы это знают и вертят порядок. Вопрос о вине после вопросов о деталях получает признание чаще, чем в начале: отвечающий уже втянут.

Неожиданное. Порфирий у Достоевского: долгая беседа о постороннем — и вдруг вопрос о главном. Внезапность обнажает, ибо приготовленный ответ не готов к этому месту. Приём сильный, и в честном расспросе ему место лишь там, где ждут лжи.

Возвращение. Спросить о том же в другом месте и другими словами: расхождение ответов есть сведение. Правило: *важное спрашивают дважды*.

И правило общее: порядок вопросов пишется до беседы, а меняется во время — по ответам, не по настроению.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Молчание после вопроса

*

Половина ремесла состоит не в том, чтобы спросить, а в том, чтобы после вопроса молчать; и это труднее.

Отчего молчат. Ответ приходит не сразу: отвечающий вспоминает, взвешивает, решает, что сказать. Спрашивающий, не выдержавший паузы, задаёт второй вопрос — и первый пропал; или подсказывает — и ответ наведён.

Три секунды. Опыты в школе показали: учитель ждёт ответа около секунды; продлив ожидание до трёх, получает ответы длиннее, полнее и от большего числа учеников. Мера эта годится всюду.

Молчание после ответа. Отвечающий, кончив, ждёт следующего вопроса; не получив, продолжает — и продолжение обыкновенно важнее ответа: оно не приготовлено. Следователи и журналисты знают: главное говорится в тишине после того, как всё сказано.

Кто заговорит первым. Молчание тягостно обоим; кто выдержит дольше, тот получит слово другого. Спрашивающий должен уметь молчать дольше отвечающего — спокойно, глядя не в глаза, а рядом, о чём книга о жесте.

Молчание как вопрос. Кивок, «м-м», «и?..» — продолжение без вопроса; отвечающий идёт, куда шёл, а не куда повёл бы вопрос.

Правило: *спросил — молчи; ответили — помолчи ещё*. Об устройстве паузы и её выдерживании — книга о голосе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Чтение ответа

*

Ответ есть предмет наблюдения, и читается он по трём статьям: что сказано, что обойдено, как сказано.

Что сказано. Отвечает ли на неизвестное или на что-то рядом. «Вы были там?» — «Я в тот день работал». Это не ответ; это ответ на другой вопрос, и подмена есть сведение. О видах уклонения — глава двадцать восьмая.

Что обойдено. Из области ответа выбрано одно; что не выбрано и почему. Рассказ о дне без упоминания вечера. Собака, которая не лаяла, из книги о наблюдении.

Как сказано. Пауза перед ответом — поиск слова или поиск ответа; различие слышно по тому, что после паузы. Переспрос — выигрыш времени или непонимание. Излишняя подробность — заготовлено. Общие слова вместо частностей — не знает или скрывает. Об этом — книга о голосе.

Чего не читать. Лжи по лицу и глазам: она не читается, о чём книги о наблюдении и о жесте. Ложь ловится на несогласии ответов между собою и с известным, а не на бегающем взгляде.

Проверка. Всякий ответ рождает следующий вопрос: уточняющий, возвращающий, сопоставляющий. Ответ, не породивший вопроса, не прочитан.

Правило: слушать ответ до конца, не готовя следующего вопроса; следующий придёт из ответа, если его услышать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Запись

*

Вопрос и ответ, не записанные, через час превращаются в то, что спрашивающий хотел услышать; правило записи здесь строже, чем в наблюдении.

Записывать вопрос, а не только ответ. Ответ без вопроса нечитаем: «да» ничего не значит без «на что». И вопрос, записанный, показывает спрашивающему его собственное наведение.

Дословно — где важно. Пересказ ответа есть уже толкование; слова отвечающего — «соприкоснулись», а не «столкнулись» — несут то, что пересказ стирает.

Порядок и паузы. В каком месте что спрошено; где молчал; где переспросил. Это читается потом, когда ответы сопоставляют.

Отдельно — впечатление. «Показалось, что скрывает» — в другой столбец, с пометой; иначе назавтра это будет «скрывал».

Запись при отвечающем меняет ответы: одни говорят осторожнее, другие — важнее. В суде это неизбежно; в беседе — выбор: записывать после, по памяти, тотчас, — или предупредить и записывать при нём. Тайная запись есть предмет главы тридцать второй.

Опрос записывается на едином листе, одинаковом для всех, о чём глава двадцать третья; иначе ответы несопоставимы.

Правило то же, что в книге о наблюдении: *в тот же час, виденное отдельно от домысленного*; здесь — спрошенное отдельно от отвеченного, а то и другое — от понятого.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕМЁСЛА

Сократическая беседа и вопрос себе, вопрос ученику,
допрос свидетеля и противной стороны,
интервью, опрос и расспрос врача и мастера

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сократическая беседа

*

Беседа по Сократу есть вопрос ради отвечающего: цель не узнать, а помочь ему увидеть, что он знает и чего не знает.

Устройство. Собеседник утверждает. Ведущий просит определить: что вы называете этим словом? Получив определение, приводит случай, в который оно не укладывается, — не возражением, а вопросом: «а это — тоже?» Собеседник поправляет определение. Ведущий ищет новый случай. И так до устойчивого определения или до признания незнания.

Правила ведущего. Не утверждать ничего: всякий шаг — вопрос. Не торопить: пауза из главы четырнадцатой. Не радоваться, когда собеседник противоречит себе: радость выдаёт, что целью было уличить. Брать случаи из жизни собеседника, а не из книг.

Чего не делать. Не вести к заранее известному ответу: это уже не майевтика, а наведение из главы двенадцатой. Сократ, по крайней мере, утверждал, что не знает; кто знает и ведёт, тот учит вопросами, и это иное ремесло — глава девятнадцатая.

Конец беседы. Она кончается не ответом, а *лучшим вопросом*, и собеседник уходит с ним. Это не поражение; это единственное, что беседа может дать честно.

Заметим: сократическая беседа неприятна собеседнику и опасна ведущему — Сократа за неё казнили. Вести её надлежит с тем, кто согласился, и о том, что он сам вынес на обсуждение.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Вопрос себе

*

Спрашивать себя труднее, чем другого: спрашивающий и отвечающий — одно лицо, и оно знает, чего хочет услышать.

Письменно. Вопрос себе задаётся на бумаге и на бумаге получает ответ; в уме он проскакивает, и ответ приходит готовым. Тетрадь разбора из книги о воле есть тетрадь вопросов.

По Фоме. Вопрос; доводы против того, к чему склоняешься; довод за; решение; ответ на каждый довод против. Устройство это заставляет честно изложить противное прежде, чем решить, — и половина решений после этого меняется.

Пять «почему». Ремесленный приём: на всякий ответ спрашивать «отчего?» ещё раз, до пяти. «Опоздал» — отчего? — «вышел поздно» — отчего? — «искал ключи» — отчего? — «нет места для ключей». Пятый ответ есть причина; первый — повод.

Вопросы разбора. Что я знаю и откуда? Что я предполагаю, не проверив? Что я хотел бы, чтобы оказалось верным? Что сказал бы противник? Что я упустил, потому что не спрашивал? Последний — самый плодовитый.

Чего не спрашивать. «Отчего я такой?» — вопрос без области ответа, и он рождает не ответ, а уныние, о котором книга о воле. Вопрос себе, как и другому, должен быть о деле и иметь область.

Правило: *задавай себе вопросы, которые задал бы чужому, и отвечай так, как отвечал бы чужому.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Вопрос ученику

*

Учитель спрашивает не чтобы узнать — он знает, — а чтобы ученик нашёл; и в этом ремесле два соблазна: проверить и подсказать.

Проверка и ведение. «Сколько будет семью восемь?» проверяет. «Как ты это посчитал?» ведёт. Первый вопрос нужен, но на нём кончается урок; второй — начинает его. Ушинский: вопрос учителя должен заставлять ученика думать, а не вспоминать.

Ступени. Спросить о факте; потом — о причине; потом — о том, что было бы, если бы иначе; потом — о том, где ещё это верно. Четыре ступени ведут от памяти к пониманию, и на каждой ученик говорит больше учителя.

Пауза — три секунды и более из главы четырнадцатой; учитель, отвечающий за ученика, учит его ждать ответа.

Неверный ответ есть сведение о том, как ученик думает; следующий вопрос — о ходе, а не о результате: «покажи, как ты шёл». Уличение обрывает; вопрос продолжает.

Вопрос ученика ценнее вопроса учителя, и ремесло учителя в том, чтобы его вызвать: молчанием, незавершённостью, случаем, не укладывающимся в правило. Толстой считал, что урок удался, если дети спрашивали.

Правило: *учитель, ответивший на свой вопрос сам, задал его зря.*

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Допрос: свидетель

*

Допрос свидетеля есть вопрос ради ответа, и ремесло его выработано против одного: против порчи памяти вопросом.

Свободный рассказ прежде всего. «Расскажите, что произошло» — и молчать до конца, не перебивая, не уточняя. Всё сказанное в рассказе ценнее сказанного в ответах, ибо не наведено.

Потом — по рассказу. Вопросы о том, что свидетель сам назвал, его словами: не «нож», если он сказал «что-то блестящее».

Мысленное возвращение. Приём, проверенный опытами: попросить вспомнить обстановку — погоду, свет, что делал перед тем, — и лишь потом событие; попросить рассказать в обратном порядке; с другого места. Всякий ход поднимает новое, и ложного при этом прибавляется мало.

Чего не делать. Не показывать, что известно; не спрашивать о том, чего свидетель не упоминал, покуда не исчерпано его; не выражать сомнения лицом; не говорить «вы уверены?» — после этого свидетель уверен.

Отделять. Видел, слышал, понял, сказали другие — четыре разных источника, и о каждом спросить: «вы это видели или так поняли?»

Кони: допрос свидетеля есть помощь его памяти, а не борьба с нею; кто борется, тот получает то, что принёс. О цене показания вообще — книга о наблюдении.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Допрос: противная сторона

*

Перекрёстный допрос — допрос чужого свидетеля — есть ремесло обратное: не узнать, а показать суду, чего показание не стоит.

Правила его жёстки и выработаны веками английского суда. *Только закрытые вопросы*: свидетелю не дают рассказывать. *Один факт на вопрос. Не спрашивать того, ответа на что не знаешь*: неожиданный ответ губит. *Не спрашивать «почему»*: это открывает свидетелю слово. *Остановиться, получив нужное*: лишний вопрос даёт свидетелю поправиться, о чём глава тридцатая.

Цель — не уличить свидетеля во лжи, что удаётся редко, а показать, что он мог не видеть, не помнить, ошибаться, иметь причину. Об этих причинах — книга о наблюдении.

Тон — ровный: суд сочувствует свидетелю, на которого нападают. Лучший перекрёстный допрос вежлив и короток.

Чем это полезно вне суда. Правилами: спрашивать закрыто, когда надо закрепить; не открывать слова тому, кто уведёт; знать ответ прежде вопроса, когда вопрос при третьих. И знанием, что так спрашивают вас — и что отвечать надлежит на вопрос, а не на то, куда ведут.

Правило: *кто спрашивает при слушающих, тот спрашивает для них*; свидетель здесь не собеседник, а свидетельство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Интервью

*

Интервью есть вопрос ради слушающих: спрашивающий не хочет узнать сам — он хочет, чтобы читатель услышал; и это меняет всё.

Приготовление. Знать о собеседнике более, чем он ждёт: тогда вопросы о том, чего не спрашивали другие. Список вопросов — и готовность его бросить: лучший вопрос приходит из ответа.

Один вопрос. Два вопроса разом дают ответ на удобный. Короткий вопрос — длинный ответ; длинный вопрос — короткий ответ, ибо спрашивающий сказал всё сам.

Открытые и простые. «Как это было?» лучше «расскажите о трудностях, с которыми вы столкнулись на пути к…». Слова читателя, не свои.

Молчание — главный приём: после ответа не спрашивать ещё три секунды; собеседник продолжит сам. И вернуть сказанное в начале — «вы говорили…» — значит получить уточнение, лучшую часть беседы.

Неудобный вопрос — в середине, не в начале и не в конце: в начале он закрывает собеседника, в конце — портит прощание. И задаётся он спокойно, как всякий; тон обвинителя вызывает защиту.

Правило: *спрашивающий в интервью не собеседник, а читатель, сидящий за столом*; его дело — спросить то, что спросил бы читатель, и замолчать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Опрос

*

Опрос есть вопрос многим об одном, и ремесло его состоит в двух вещах: кого спросить и как спросить одинаково.

Кого. Урок 1936 года: два миллиона ответивших читателей журнала предсказали хуже, чем несколько тысяч, отобранных так, чтобы быть похожими на страну. Число не спасает от перекоса; спасает отбор. Кто отвечает добровольно, тот уже не похож на тех, кто не ответил.

Как одинаково. Один лист, те же слова, тот же порядок, тот же тон; иначе ответы несравнимы. Оттого опрос ведут по бумаге и не отступают.

Слова. «Запретить» и «не разрешать» дают разные доли согласных на один и тот же предмет; «помощь бедным» и «пособия» — тоже. Всякое слово проверяют на пробном опросе.

Порядок. Вопрос о довольстве после вопроса о бедах даёт меньше довольных, о чём глава тринадцатая. Общие вопросы — прежде частных; чувствительные — в конце.

Область. Закрытые с перечнем ответов — удобны для счёта и опасны: чего нет в перечне, того нет в итоге. Оставлять «иное» и открытый вопрос в конце.

Правда о непринятом. О том, о чём не принято говорить, спрашивают косвенно — «многие считают, что… а вы?», — или так, чтобы отвечающий не был узнан.

Правило: *опрос показывает, что ответили на этот вопрос эти люди*, и не более; о переносе на всех — книга об ошибках рассуждения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Вопрос врача и мастера

*

Врач и мастер спрашивают ради дела: чтобы найти причину и починить; ремесло их роднит, и оно древнее прочих.

Расспрос врача. Гиппократ учил смотреть прежде, чем спрашивать; после осмотра — спрашивать по порядку: на что жалуется; когда началось; что предшествовало; что облегчает и что ухудшает; было ли прежде. Порядок этот — воронка из главы тринадцатой, и половина диагнозов ставится по нему до всяких приборов.

«Что изменилось?» — вопрос мастера: машина работала — и перестала; что переменилось между? Ответ «ничего» неверен всегда; ремесло — спросить так, чтобы вспомнили: «что делали перед тем?», «что нового в доме?», «кто ещё трогал?».

Слова больного — не слова врача: «давит» и «колет» суть разные сведения, и врач не переводит их в своё, покуда не спросил, что именно. Наведение здесь губит диагноз.

Вопрос о том, чего стыдятся. Питьё, привычки, домашнее — спрашивают ровно, как о погоде, и в середине, не в начале. Тон спрашивающего решает, будет ли ответ.

Чего боится больной и заказчик — спросить прямо: «чего вы опасаетесь?» Ответ часто важнее жалобы и всегда важнее для беседы.

Правило, общее для врача и мастера: *причина ищется вопросом «что переменилось», а не вопросом «что сломалось»*; второе видно, первое — надо спросить.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

❄

ПРОТИВНИК

Вопрос как нападение и как внушение, ложный выбор,
уклонение, своё желание услышать,
лишний вопрос, право молчать и допрос как насилие

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вопрос как нападение

*

Вопрос принуждает мягче приказа, и оттого им нападают чаще, чем приказом; виды нападения немногочисленны и узнаваемы.

Риторический вопрос — утверждение, не подлежащее ответу: «и это вы называете работой?» Ответ на него выглядит оправданием. Средство: перевести в утверждение и ответить на него: «вы говорите, что работа плоха; вот что сделано».

Загонный вопрос — ряд закрытых, ведущих к нужному «да»: «вы согласны, что…? и что…? стало быть…» Это перекрёстный допрос вне суда. Средство: не отвечать на ряд, а спросить, куда ведут; и разбирать предпосылку каждого.

Вопрос-обвинение: «зачем вы это сделали?» Предпосылка — что сделали и что зачем-то. Средство из главы одиннадцатой.

Вопрос сверху: «вы вообще понимаете, о чём говорите?» Не о деле, а о лице; о подобных уловках — книга об ошибках рассуждения.

Вопрос-град — пять вопросов разом; отвечающий отвечает на удобный, и его ловят на неответе на прочие. Средство: назвать вопросы по счёту и отвечать по одному.

Правило отвечающего: *нападающий вопрос переводится в утверждение, и отвечают на утверждение*. Правило спрашивающего: если хочешь узнать — не нападай; нападение получает защиту, а не ответ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ложный выбор

*

Ложным выбором зовётся вопрос, область которого сужена до двух, когда возможных ответов более; это самый распространённый нечестный вопрос, ибо кажется вежливым.

Вид его. «Вы заплатите сейчас или завтра?» — отказ платить не предложен. «Вы с нами или против нас?» — третье не дано. «Красный или синий?» — торговый приём: покупка уже предположена.

Отчего работает. Область задаётся вопросом, и отвечающий редко выходит за неё — выйти значит оспорить спрашивающего, а это невежливо. Вежливость и есть ловушка.

Ложный выбор с детьми и подчинёнными — «уберёшь сейчас или после ужина?» — считается добрым приёмом, и он таков, покуда обе стороны знают, что выбор сужен нарочно и по праву. Со взрослым равным он есть обман.

Средство отвечающего: назвать третье. «Ни то, ни другое: я не буду платить». Спрашивающий, услышав это, обыкновенно отступает: ловушка держится лишь незамеченной.

Средство спрашивающего, желающего узнать: область шире, чем удобно, и «иное» всегда предложено. Опрос, о котором глава двадцать третья, гибнет на этом чаще всего.

Правило: *всякое «или» в вопросе проверяется на третье*; если третье есть и не названо — вопрос сужен нарочно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Вопрос-внушение

*

Вопрос вносит предпосылку в ум незаметнее утверждения; на этом стоит внушение вопросом, о котором книга о внушении говорит как об одном из тонких средств.

Устройство. Утверждение «он ненадёжен» встречает проверку. Вопрос «вы не находите, что он ненадёжен?» — нет: ум занят ответом, а предпосылка проходит. Даже ответ «нет» оставляет след: слово «ненадёжен» уже связано с именем.

Вопрос о будущем. «Что вы сделаете, когда всё рухнет?» вносит «рухнет» как данное. Тревога о будущем, о которой книга о времени, часто есть плод чужого вопроса.

Вопрос-ярлык. «Вы всегда так медлите?» — «всегда» входит без спора.

Вопрос-повтор. Спрошенное десять раз становится предметом: «а всё-таки, не было ли…» Свидетель, десятикратно спрошенный о ноже, вспоминает нож. Об этом — глава двенадцатая и опыты Лофтус.

Средство. То же, что против всякого внушения: заметить. Вопрос переводится в утверждение о предпосылке, и утверждение либо принимается вслух, либо отвергается вслух. Молча принятое — внушено.

Для спрашивающего честного правило одно: *предпосылка из установленного*, а спорное — отдельным открытым вопросом. Кто спрашивает «не находите ли вы», тот уже нашёл за другого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Уклонение от ответа

*

Уклонение есть ответ на другой вопрос, выданный за ответ на заданный; виды его конечны, и знать их надлежит обеим сторонам.

Ответ на соседний вопрос. «Вы были там?» — «Я в тот день был занят». Похоже на ответ и не ответ.

Ответ общим. «Что вы сделали?» — «Всё, что положено».

Ответ вопросом. «А вы бы как поступили?» — спрашивающий, ответивший, потерял ведение.

Ответ о лице. «Почему вы меня об этом спрашиваете?»

Ответ о будущем. «Это мы ещё обсудим».

Ответ длинный — о многом, кроме спрошенного; слушающий устал и забыл вопрос.

Средство спрашивающего: повторить вопрос теми же словами, спокойно, столько раз, сколько нужно. Повторение без раздражения есть самое сильное средство, ибо уклонение держится на том, что спрашивающий постеснится. Второе средство: «это ответ на другой вопрос; я спрашивал о…».

Право уклониться есть, о чём глава тридцать первая; и честное уклонение звучит как отказ: «я не буду об этом говорить». Нечестное — как ответ. Различие в форме, и оно видно.

Правило: *ответ есть то, что закрывает неизвестное вопроса*; всё остальное — речь по поводу, и её надлежит так и называть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Своё желание услышать

*

Главный противник спрашивающего — он сам: желание услышать определённое устраивает вопрос так, что определённое и слышится.

Как это происходит. Предпосылка — из желаемого; область — сужена до желаемого; наведение — словом и лицом; порядок — ведущий; уклонения не замечены, ибо совпали с ожиданием; ответы записаны в пересказе, а пересказ — в свою пользу. Всё это делается без умысла, и оттого не замечается.

Опыт. Спрошенные, склонен ли собеседник к общительности, задают вопросы об общительности — и получают её; спрошенные о замкнутости — получают замкнутость. Один и тот же человек. Склонность к подтверждению, разобранная в книге о наблюдении, живёт в вопросе прежде, чем в глазу.

Средства. Назвать своё желание до беседы, письменно. Составить вопросы, которые задал бы желающий обратного, и задать их. Первый вопрос — открытый, всегда. Записывать дословно. Спрашивать о том же дважды разными словами. Дать другому прочесть вопросы до беседы.

Признак. Если все ответы подтвердили ожидание — вопросы были дурны. Действительность не бывает столь согласна.

Правило: *спрашивающий, знающий, что хочет услышать, обязан спросить так, чтобы мог услышать обратное*; иначе он не спрашивает, а внушает себе через другого.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Лишний вопрос

*

Лишним зовётся вопрос, заданный после того, как нужное получено; он старее и чаще всех ошибок и губит выигранное.

Классический случай. Защитник *добился* от свидетеля признания, что он не *видел* укуса. Довольный, спросил: «Откуда же вы знаете, что подсудимый откусил ухо?» — «Я *видел*, как он его выплюнул». Один вопрос сверх нужного.

Отчего задают. От удовольствия: спрашивающий хочет услышать ещё раз и красивее. От неуверенности: хочет закрепить. От *любопытства*. Всё это — о спрашивающем, а не о *деле*.

Правило перекрёстного допроса — остановиться, получив, — годится всюду: в торге, где после согласия *лишний* вопрос открывает торг заново; в беседе, где после признания *лишний* вопрос вызывает поправку; в интервью, где после живого ответа *лишний* вопрос получает приготовленный.

***Лишний* вопрос себе** — после решения: «а точно *ли*?» Пересмотр по расписанию, о котором книга о воле, есть средство и здесь.

Как заметить. Спросить себя перед вопросом: что я сделаю с ответом? Если ничего — вопрос *лишний*. Если ответ может быть только один — тоже.

Правило: *получил — молчи*; и оно труднее всех *правил* этой книги, ибо молчать после победы неприятнее, чем после вопроса.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вопрос, на который не отвечают

*

Не всякий вопрос имеет право на ответ, и знать, где кончается это право, надлежит обеим сторонам.

Право молчать в суде — не свидетельствовать против себя и близких — установлено законом, и оно старо: признание, полученное вопросом власти, не считается доказательством именно потому, что власть спрашивает не ради правды.

Тайна — врачебная, исповедная, служебная, чужая. Спрошенный о чужом отвечает: «это не моё», и это ответ полный.

Приличие. О деньгах, болезни, вере, семье спрашивают лишь спрошенные о том же или допущенные. Вопрос не по праву есть вторжение, и отвечать на него не обязаны.

Как отказать. Коротко, без оправдания: «об этом я не говорю». Оправдание есть приглашение к следующему вопросу. И без обиды: спрашивающий, быть может, не знал границы. Об отказе вообще — книга о воле.

Как спрашивать о закрытом, если надо: попросить разрешения на вопрос прежде вопроса: «можно ли спросить о…?» Отвечающий, разрешивший, отвечает; не разрешивший — сказал то, что нужно.

Отличать право не отвечать от уклонения из главы двадцать восьмой: первое объявлено, второе замаскировано. Кто говорит «не буду», тот честен; кто отвечает на другое, тот нет.

Правило: *всякий вопрос есть просьба, о чём напоминает само слово; а просьбу можно отклонить.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Допрос как насилие

*

Граница ремесла проходит там, где вопрос перестаёт искать правду и начинает добывать ответ; и история показала, что добытое таким путём правдой не бывает.

Пытка. Римское право дозволяло её рабам, средневековое — всем; и всякий век знал, что пытаемый говорит то, чего от него ждут. Отменена она не из милосердия, а из бесполезности.

Принуждение без боли. Бессонница, часы допроса, обещание облегчения, ложь о показаниях других — действуют так же и дают то же: признание, согласное с вопросами. Здоровые люди после долгого допроса признаются в несделанном и *верят* в это.

Признак. Всякое средство, делающее отвечающему тяжелее молчать, чем говорить, есть принуждение; и всё полученное им проверяется тем, чего отвечающий не мог знать, не будучи виновен.

Тайная запись и обман в вопросе — тоже принуждение, только к неведению: отвечающий не знает, что отвечает, и не может отказать.

Для ремесла это значит одно: вопрос, добывающий ответ силой, не есть вопрос; он ничего не узнаёт, ибо ответ уже задан. Кони говорил то же: давление даёт признание, а не истину.

> Ответ, вырванный силой,
> принадлежит спрашивающему,
> а не правде.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

❄

ГРАНИЦА

Чего вопрос не может, какие учения о нём мнимы,
отчего спрашивающий сильнее отвечающего,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего вопрос не может

*

Соберём пределы, ибо ремесло спрашивать соблазняет думать, что верным вопросом можно добыть всё.

Он не добывает того, чего отвечающий не знает. Свидетель, не видевший, не вспомнит, как его ни спрашивай; вспомнит лишь наведённое.

Он не заменяет наблюдения. Спрошенный говорит о себе то, что думает или хочет; глаз видит то, что есть. Врач смотрит прежде, чем спрашивает.

Он не отличает лжи от правды сам по себе; ложь ловится сопоставлением ответов, а не одним верным вопросом.

Он не убеждает. Сократ доводил собеседников до незнания, а не до согласия; убеждение — дело речи, о чём книга о риторике.

Он не даёт права на ответ. Спрошенный вправе молчать, и ремесло кончается там, где начинается принуждение.

И он не свободен от спрашивающего: всякий вопрос несёт его предпосылку, область и желание, и ответ отчасти всегда о нём.

Кто знает эти пределы, тот спрашивает о возможном и получает его; кто не знает — получает свои вопросы обратно в виде ответов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мнимые учения

*

Вокруг ремесла спрашивать выросли учения, обещающие вопрос, действующий сам собою; все они повторяют немногие ошибки.

«Сильные вопросы». Наставничество торгует списками вопросов, которые будто бы меняют человека: «чего вы на самом деле хотите?» Вопрос без области ответа рождает не мысль, а настроение; сократическая беседа работала случаем и определением, а не звучным словом.

«Вопрос, вскрывающий ложь». Нет вопроса, на который лжец отвечает иначе, чем правдивый; ловится ложь сопоставлением и известным, а не формулой.

«Ответ читается по глазам». Направление взгляда при ответе не связано с правдивостью; учение это проверено и не подтвердилось, о чём книга о жесте.

«Задавайте только открытые». Половина правды: закрытые нужны, чтобы закрепить и уточнить; беседа из одних открытых не кончается ничем.

«Спросите — и получите». Торговое учение о просьбе как о вопросе; просьба есть просьба, и о ней книга о внушении.

Анкеты без отбора. Опрос в сети, где отвечает кто хочет, показывает мнение тех, кто хочет отвечать, — урок 1936 года, повторяемый ежедневно.

Общая примета мнимого учения: оно обещает вопрос вместо ремесла — предпосылки, порядка, молчания и записи. Настоящее требует всех четырёх, и все четыре скучны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вопрос и власть

*

Кто спрашивает, тот ведёт; и оттого право спрашивать всегда распределено неравно, и распределение это стоит знать.

Кто спрашивает по праву: судья, учитель, врач, начальник, следователь, родитель. Отвечающий обязан отвечать — законом, положением или обычаем. Асимметрия эта полезна, покуда спрашивающий обязан правде, и опасна, когда он обязан лишь себе.

Вопрос снизу нарушает порядок и оттого оскорбляет: подчинённый, спрашивающий начальника «почему», ученик, спрашивающий учителя «откуда вы знаете», — берут ведение. Сократ за это и погиб: он спрашивал тех, кто привык спрашивать сам.

Отчего власть боится вопроса. Утверждению можно возразить, и власть к этому готова; вопрос требует объяснения, и объяснение обнажает основание или его отсутствие.

Право спрашивать есть первая мера свободы: где нельзя спросить, там нельзя и знать. Гласный суд начался с права защиты спрашивать свидетелей обвинения; без него допрос был розыском.

Для спрашивающего по праву правило одно: *власть спрашивать обязывает спрашивать честно* — предпосылка из установленного, область открытая, наведения нет, принуждения нет. Иначе право спрашивать становится правом добывать.

И правило для отвечающего снизу: спрашивать можно и его; спрошенный «а вы как считаете?» начальник обязан ответить или отказать, и то и другое — сведение.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

*

Спрашивать учатся, как и всякому ремеслу, повторением с проверкой; упражнения дёшевы и незаметны для окружающих.

Разбор вопроса. Взять любой услышанный вопрос и записать три части: предпосылку, неизвестное, область. Десять в день. Через месяц части видны на слух.

Перевод в утверждение. Всякий вопрос из газеты или беседы переписать утверждением о предпосылке и спросить, согласен ли.

Три секунды. В обычном разговоре после всякого вопроса молчать, считая до трёх; после всякого ответа — ещё до трёх. Заметить, что происходит с ответами.

Беседа без утверждений. Четверть часа с кем-либо о его деле — одними вопросами, открытыми и по воронке. Записать, что узнал, чего не спросил бы иначе.

Пять «почему» — о своей ежедневной неудаче, письменно.

Вопросы за противника. Перед важной беседой написать десять вопросов, которые задал бы желающий обратного, — и задать три из них.

Чтение допросов. Судебные речи Кони, главы о Порфирии, записи интервью: отмечать, где спрашивающий вёл, где отступил, где промолчал, где задал лишнее.

Правило упражнений то же, что всюду: ежедневно, помалу, с записью; об удержании ежедневности — книга о воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена спрашивающего

*

Соберём ежедневные правила, охраняющие вопрос от порчи, а спрашивающего — от самообмана.

Спроси себя, зачем: ради ответа, ради отвечающего или ради слушающих. Устройство разное.

Назови своё желание до беседы и составь вопросы против него.

Первый вопрос — открытый, и молчи до конца ответа.

Предпосылка — из установленного; спорное — отдельным вопросом.

Область — шире, чем удобно; «иное» всегда предложено.

Слова отвечающего, не свои; не называй предмета, покуда он не назвал.

Три секунды после вопроса, три после ответа.

Важное — дважды, разными словами и в разных местах.

Получил — молчи.

Записывай вопрос вместе с ответом, дословно, и впечатление отдельно.

Не спрашивай того, о чём не имеешь права, не спросив разрешения на вопрос.

Правила эти просты, и это их достоинство: отвечающий не переменился со времён Сократа, и что портило его ответ тогда, портит теперь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила спрашивающего

*

Соберём правила для того, кто спрашивает ради ответа, — ибо большинство неверных ответов заложено в вопросе.

Смотри прежде, чем спрашивать; знай о деле и о человеке более, чем он ждёт.

Напиши порядок — воронку или обратную — и будь готов его бросить по ответу, а не по настроению.

Свободный рассказ первым, без перебивания.

Потом — по рассказу, его словами.

Закрытым — закрепляй, открытым — узнавай.

Отделяй видел, слышал, понял, сказали.

Не показывай лицом, чего ждёшь; не говори «вы уверены?».

Уклонение — повтори вопрос теми же словами, спокойно.

Неудобное — в середине, ровным тоном, как всё.

Спроси, что сделаешь с ответом, прежде чем спросить; если ничего — не спрашивай.

И помни, что спрашивающий получает то, что заложил: ответ отчасти всегда о нём, и лучший вопрос — тот, в котором его меньше всего.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила отвечающего

*

И правила для того, кого спрашивают, — то есть для всякого, ибо спрашивают всех, а спрашивать умеют немногие.

Разбери вопрос прежде ответа: предпосылка, неизвестное, область.

***Ложную* предпосылку назови** и отвергни вслух; потом отвечай.

На «или» ищи третье.

Нападающий вопрос переведи в утверждение и отвечай на него.

На град вопросов — по одному, по счёту.

Отвечай на спрошенное, а не на то, куда ведут; при слушающих — особенно.

Не заполняй молчания: ответил — остановись; тишина после ответа есть приём, а не приглашение.

Не отвечай на то, на что не обязан: «об этом я не говорю» — ответ полный.

Спрашивай сам, когда вправе: «а вы как считаете?» возвращает ведение.

Помни, что записывают, и говори то, что готов увидеть записанным.

И помни, что отвечающий не обязан быть удобным; он обязан быть честным, и честность его начинается с разбора вопроса, а не с готовности ответить.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: вопрос и мера

❋

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Вопрос есть *речь, требующая ответа*, и состоит из трёх частей: предпосылки, которую принимают без спора; неизвестного, о котором спрошено; и области, из которой велено выбирать. Две части из трёх невидимы, и в них живёт всё — и честность, и обман.

Кто спрашивает, тот ведёт; и ремесло ведущего — предпосылка из установленного, область шире удобного, открытое прежде закрытого, порядок по воронке, молчание после вопроса и после ответа, запись дословная. Ремёсла — беседа, допрос, интервью, опрос, расспрос врача — различны в целях и едины в устройстве.

Противники — нападение, ложный выбор, внушение вопросом, уклонение, лишний вопрос и собственное желание услышать — побеждаются одним: переводом вопроса в утверждение о предпосылке. Граница ремесла — там, где ответ добывают силой: добытое силой принадлежит спрашивающему, а не правде.

И последнее. Сократ кончал беседу не ответом, а лучшим вопросом, и это единственный честный конец: *ответ закрывает неизвестное; вопрос открывает следующее*. На этом стоит и ремесло, и мера.

❊

ВОПРОС
Искусство спрашивать
Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм